

Юнона Белова • Ада Огнева

**ИЗМЕНА МУЖА.
ТВОЯ ЛЮБОВНИЦА
ПОЛУЧИТ СРОК!**

Ада Огнева

**Измена мужа. Твоя
любовница получит срок!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Измена мужа. Твоя любовница получит срок! / А. Огнева —
«Автор», «Автор», 2026

Четыреста пятьдесят тысяч рублей. Именно столько мой муж перевёл своей помощнице с пометкой «На будущее нашей дочери». Только вот у нашей дочери другой счёт. А у Максима, похоже, другая женщина. Когда я потребовала объяснений, любимый муж объявил меня истеричкой, свекровь поддержала его, а дети вдруг начали бояться родную мать. Теперь он собирается отобрать у меня всё: дом, деньги, детей и даже право называться нормальной женщиной. Но Максим допустил одну ошибку. Я нашла документы, которые он считал надёжно спрятанными. И теперь вопрос не в том, получу ли я развод. А в том, кто из нас останется без миллионов, свободы и будущего.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юнона Белова

Измена мужа. Твоя любовница получит срок!

Глава 1

Пока Максим был в душе, я собиралась допить кофе и проверить, укрылась ли Маша. В гостиной пахло свежим бельем: перед приходом гостей он всегда велел менять пледы. Мы жили в новостройке на Патриарших, за толстыми стенами, и с улицы не долетало ни звука. Из детской тоже. Я прислушалась — и только тогда заметила его телефон.

Вода лилась уже минут десять. Максим любил принимать душ подолгу, а я обычно использовала это время, чтобы сложить белье или ответить клиенту. Сейчас плед лежал у меня на коленях, письмо оставалось недописанным. Его телефон он бросил рядом с чашкой. Я видела: прежде чем встать, он просмотрел сообщение, а приложение не закрыл. Достаточно было коснуться экрана. Он даже не пытался спрятать от меня то, что делал. Наверное, это и задело сильнее всего.

Я перестала теревить плед. В голове прозвучало: «Не лезь! Ты не жена-детектив из дешевой мелодрамы». Я еще могла положить телефон обратно. Вместо этого взяла его обеими руками и коснулась экрана.

Наверху висело сообщение от контакта «Бухгалтерия»: «Перевод пришел». Наш бухгалтер писал в рабочий чат и обращался к Максиму по имени-отчеству. Здесь не было ни имени, ни приветствия. Я смахнула уведомление; под ним осталось открытое приложение банка.

В последней операции стояло: 450 000 рублей. Я проверила нули, поднесла телефон ближе. У нас на эти деньги было три разговора: сначала подготовка Маши к школе, потом кухня, потом отпуск. Ни на чем не сошлись, решили пока не трогать. И вот он решил без меня. Со счета, на котором лежали и мои заработки, — я еще помнила, сколько перевела туда после последнего проекта.

Может, налоги? В платежах ФНС я разбиралась достаточно, чтобы отличить их от перевода человеку. Может, долг? Максим всегда ворчал на приятелей, которые занимают «до пятницы». Четыреста пятьдесят тысяч он бы кому попало не дал. Я просматривала строчки над суммой, надеясь обнаружить хотя бы что-то знакомое: название поставщика, счет, комментарий о клубе.

Прокрутила операции и вернулась к последней. К переводу был комментарий. Обычно Максим оставлял поле пустым; мне даже приходилось спрашивать, за что заплатил. Тут написал целую фразу. Он и прежде так говорил, когда просил не трогать семейный резерв: три года назад, в начале истории с клубами.

«На будущее нашей дочери».

Маша, шесть лет. Единственная наша дочь. Я сама открыла ей вклад, сама знала его номер. Туда уходили подаренные на дни рождения деньги. Проверила реквизиты на экране: другой банк, другой счет. Никакого Машиного вклада здесь не было.

Пальцы дрожали, когда я нажала на строку получателя. Имя всплыло крупным черным шрифтом.

Вера Соколова.

На корпоративах Вера называла меня «дорогая Алина». Всегда полностью, не Аля и не Алинка. Несла Максиму кофе, если вечер затягивался, и как-то принесла мне тоже — даже

запомнила, что без сахара. Я вспоминала именно это, разглядывая ее фамилию. Она столько раз стояла рядом с нами. Жасмин на его рубашках я тоже знала.

Перевод еще не доказывал, что они спят вместе. Но четыреста пятьдесят тысяч уже ушли Вере. Деньги, о которых Максим говорил: «Не трогай, это Машино». Я смотрела на назначение платежа и пыталась понять, какую дочь он имел в виду.

Я оперлась локтем на колено, чтобы удержать телефон. Вера Соколова. Прочитала имя еще раз, хотя оно никуда не исчезло. Соседка снизу как-то спросила, не ошиблась ли курьерша дверью: слишком часто ходит одна и та же девушка. Я тогда смеялась. Сейчас не смогла даже сглотнуть. — Что ты сделал...

В дверь позвонили. Резкий, требовательный звонок оторвал меня от паники. Сердце колотилось так, что отдавало в висках. Телефон все еще горел в руке. Я метнулась к дивану, бросила аппарат экраном вниз ровно в тот момент, когда щелкнул замок входной двери.

Галина Петровна вошла со своим ключом, как всегда: сначала звонок, потом замок, не оставляя времени открыть самой. На голове ни волоска не выбилось из укладки. Она посмотрела на мои босые ноги, затем на чашку и плед. Я уже знала, о чем услышу завтра: опять весь вечер провела на диване.

— Добрый вечер, деточка, — произнесла она, скидывая туфли. — Я решила проверить, как у вас дела. Маша спит?

Я придержала ворот блузки: казалось, жмет, хотя пуговица расстегнута. — Да, уже легла. Максим в душе. Галина посмотрела туда, где я оставила телефон. Я заставила себя улыбнуться ей, чтобы не повернулась к дивану.

Она подошла и всмотрелась в мое лицо. Я почти ждала, что поправит мне ворот, но она только спросила: — Бледная ты, Алина. Опять голова? Или давление? «Опять» прозвучало раньше, чем я успела ответить. Вчера ей не понравилось, что раскраснелась, сегодня — что бледная.

— Проект большой, — ответила я. — Устала. Это она понимала: не работай так много, займись наконец семьей. Лишь бы не спрашивала о телефоне.

Она хмыкнула, проходя мимо меня в сторону детской. — Ну-ну. Мужчина должен обеспечивать комфорт, а не создавать стресс. Но ты же самостоятельная, сама знаешь, как справляться.

Я дождалась, пока она войдет в детскую, и взялась за спинку дивана. Захотелось позвать: посмотрите, куда ваш сын перевел деньги! Но он выйдет из душа, она встанет рядом, и уже мне придется доказывать, что не безумна. Я слишком хорошо помнила их разговоры о том, «как это действует на детей». Начинать сейчас, без снимка, нельзя.

Душ стих. Максим вышел в полотенце, взъерошил мокрые волосы и заглянул в детскую. Я ждала, когда заметит телефон на диване. Не заметил. От него пахло гелем; знакомый жасмин я почувствовала или придумала — после увиденной фамилии уже не могла отличить. Он приблизился, а мне захотелось, чтобы подошел к шкафу, не касаясь меня.

Он поцеловал меня в висок и привычно обхватил за талию. Я стояла, пока не отпустил. — Люблю тебя. Кстати, за Машино обучение заплатил, если увидишь списание, не удивляйся. Английский с программированием. И на ремонт резерв оставил. Пошел к шкафу за пижамой, не дожидаясь вопроса. — Все для нашего ребенка.

Он сказал это возле шкафа, копаясь в белье. Так сообщал, что заказал воду или поменял резину. Я знала, что у Маши нет такого курса, — все занятия выбирала сама. Но при матери он мог назвать любое, и мне пришлось бы объяснять, почему не благодарна за заботу.

— Хорошо, Макс. Спасибо. Слово «спасибо» почти застряло. Я произнесла его, глядя на створку шкафа, и тут же пожалела: он теперь уверен, что объяснение подошло.

Максим кивнул и открыл ящик с бельем. Его спина заслоняла зеркало. Я смотрела на него, не решаясь уйти: вдруг по лицу поймет? Висок, которого он коснулся губами, хотелось

вытереть. При его матери я этого сделать не могла. Стояла и ждала, пока он найдет пижаму. Пускай принимает мое молчание за согласие — хотя бы до утра.

Глава 2

Ночью Максим быстро уснул. Он всегда засыпал раньше меня и возмущался, если свет телефона мешал ему. Я лежала к нему спиной, мысленно повторяя сумму, чтобы не забыть: четыреста пятьдесят. Вера. Будущее дочери. В голове цифры укладывались легко. Не укладывалось только то, что рядом сопел человек, с которым я сегодня обсуждала Машины сандалии.

Я встала. Тихо, стараясь не скрипеть половицами, вышла в кухню. Включила настольную лампу, создавая островок света в темноте квартиры. Руки все еще дрожали, но я заставила себя сесть за стол. Открыла ноутбук.

Сначала записала цифры, имена и дату, пока не забыла. Затем вернулась к кровати и взяла телефон Максима с тумбочки. Приложение еще оставалось открытым. Сфотографировала своим телефоном перевод и получателя — воспоминания юристу не предъявишь. Затем подключила внешний жесткий диск, который хранила отдельно от общих облачных сервисов. Копирование файлов заняло минуту. Минута, в течение которой я чувствовала себя вором в собственном доме.

Историю операций не трогала. Погасила экран и вернула телефон на тумбочку под тем же углом. Максим пошевелился во сне; я стояла рядом, не дыша, пока он снова не засопел.

Утром мне придется разговаривать с Максимом. Одной не справиться: даже сейчас, имея фотографию, я не знала, какое требование предъявить. Нужен юрист, который разберется не только с разводом, но и со счетами клубов. Я открыла поиск, пока он спал.

Я открыла браузер. Поисковый запрос был простым: «Финансовый аудитор для развода Москва. Корпоративные активы. Скрытые переводы».

За первый час в двух конторах просили столько, сколько я брала за неделю работы. Закрыла вкладки. Внизу поиска нашла сайт Волкова: никаких фотографий счастливой семьи, только специализация и описания дел. Прочитала раздел про вывод активов дважды. Не предлагал «развестись без боли». Уже хорошо.

«Игорь Волков. Юрист и аудитор. Специализация: вывод активов через фиктивные услуги, офшорные схемы, защита интересов при бракоразводных процессах с участием бизнес-элиты.»

На фотографии Волков был старше Максима. Седые виски, глубокая складка между бровями; никаких привычных «поможем сохранить семью» под портретом. Я увеличила снимок и неожиданно задержалась. Такой, кажется, не станет успокаивать, пока клиент размахивает липовым договором. Наверное, и меня погладить по голове не захочет. Сейчас это устраивало. За утешением можно к подруге, а деньги искать надо с кем-то, кто умеет считать.

В одном разборе фигурировала квартира, подаренная жене партнера. В другом семейными деньгами оплатили яхту, вписав в счета ремонт офиса. Я вернулась к фотографии перевода. Чем окажутся у Максима эти «английский и программирование»? Хотелось спросить Волкова, встречал ли такую формулировку раньше.

Заявку я заполнила до конца, но не отправляла. Указала имя мужа — и стерла. Написала только сферу бизнеса, город и сумму. Все равно боялась: прочтет, узнает Максима и перешлет ему мое письмо. Я проверила внизу страницы адрес конторы. Настоящий, с номером офиса. Снова прочитала заполненные поля, выискивая то, по чему меня могут вычислить.

Перечитала сумму в заявке. Четыреста пятьдесят. Если сегодня промолчу, завтра он придумает еще один курс для Маши. А я опять отвечу «спасибо» при его матери.

Я нажала «Отправить».

После нажатия страница долго оставалась прежней. Я уже решила, что отправка не сработала, но затем появилась отметка приема заявки. Еще через несколько минут пришло сообщение. Проверила отправителя: не общий автоответчик, Волков.

«Заявка принята. Обсудим детали завтра в 10:00. Приходите подготовленной. Эмоции оставьте дома.»

Я переписала адрес и время на листок. Завтра мне было куда идти. До десяти утра оставалось несколько часов, и впервые этой ночью я знала, что буду делать после завтрака.

Закрыла ноутбук, дождалась, когда погаснет индикатор диска. В спальне Максим спал поперек своей половины и слегка заехал на мою. Раньше я подвинула бы его плечо. Теперь забралась на самый край, стараясь не задеть. Листок с адресом пришлось положить под будильник, иначе он мог увидеть его утром.

Я повернулась к стене. Соседский ребенок закашлялся за окном — тонко, жалобно, будто Маша. Хотелось пойти к ней и лечь рядом, но я боялась разбудить обоих детей и не сумею объяснить, почему плачу. Я сказала почти без голоса, в наволочку: — Ты думал, я тупая? Нет, Макс. Я просто ждала удобного момента. И он настал.

Под будильником лежал сложенный листок с адресом. Проверив время еще раз, я все-таки уснула. В десять меня ждали.

На фото перевод был обрезан по краям экраном телефона. Имя «Вера С.» и сумма читались хорошо; я увеличила их и оставила снимок открытым. После переноса приема у Игоря ждать еще день мне казалось невыносимым. Ключи Максима лежали на журнальном столике — он вернулся раньше и снова куда-то вышел. Я положила рядом свой телефон. Пусть возьмет, пусть скажет, что это. Пока было тихо, несколько раз проговорила вопрос. Без «как ты мог». Только куда ушли деньги.

Максим вернулся в семь тридцать пять. Я следила за часами, поэтому запомнила минуту. Стянул галстук, портфель кинул в кресло — прямо на мою блузку. Я даже не попросила переложить. Он заметил телефон на столе, потом мою чашку, к которой я не притронулась. Улыбнулся: вечером ему хотелось, чтобы дома его встречали без вопросов.

— Ты чего так рано? Обычно ждешь до восьми.

Пододвинула телефон так, чтобы он мог прочесть сумму с места. Фотография оставалась открытой; я заранее убрала таймер выключения экрана. Максим посмотрел на меня, прежде чем взять аппарат.

Он держал мой телефон за края, как вещь, которой не хочет касаться. Прочитал имя, положил обратно. На экран больше не смотрел. Мне опять предстояло быть той, кто начинает неприятный разговор.

— Спам, Алина. Сейчас таких рассылок полно. Он щелкнул ногтем по стеклу рядом с телефоном. — Про переводы, про долги. Расчет на то, что испугаешься и побежишь выяснять. Ты же сама клиентам это объясняешь.

— Это не спам, Максим. Это наш банк. Наш общий счет. И сумма совпадает точь-в-точь с тем, что мы копили на отпуск в Италию.

Он вздохнул так, что мне стало стыдно раньше, чем я услышала ответ. Этот вздох я знала по переговорам о семейных расходах. Еще ничего не купила, только предложила — а он уже устал объяснять мне очевидное.

— В аптечке валерьянка есть, — сказал он. — Или чай сделай. Ты в проекте своем так накрутилась, что уже уведомления от банка за измену принимаешь. Кивнул в сторону шкафа, где лежали лекарства. — Не Вера это. Бухгалтерия. Бывают сбои.

— Открой приложение банка, — потребовала я. Мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить тихо. — Покажи мне историю операций за сегодня.

Максим перестал улыбаться. Я назвала приложение, которое он мог открыть за секунду. Вместо этого он положил руку на свой телефон и повернулся ко мне всем корпусом.

— Ты в телефон мой залезла? Он не повысил голоса. На столе остался мой аппарат, и я вдруг почувствовала себя так, будто предметом разговора стала уже моя вина.

— Я видела уведомление. Оно всплыло само, когда ты оставил телефон без присмотра.

— Без присмотра, — повторил он. — Телефон оставил на десять минут. В своем доме, с женой. И мне еще оправдываться? Снова посмотрел на фото. — Тебе всего мало. Квартира, дети, нормальная жизнь. Теперь я должен отчитываться, куда нажал.

— Мне нужно понять, куда делись наши деньги!

— Это рабочие переводы. Ты себе придумала общий счет, операционку и карту в одну кучу. Максим подошел ближе. — Хочешь договор? Он не только мой, там сведения контрагента. Я тебе коммерческую тайну просто потому, что ты рассердилась, показывать не стану.

Он говорил о коммерческой тайне и смотрел сверху вниз. Я знала разницу между личным переводом и счетом фирмы. Просто в эту минуту не могла перечислить ее без дрожи в голосе. Хорошо он устроился: если жена дрожит, значит, права быть не может.

— Тогда покажи хоть выписку. Любой официальный документ.

— Нет. Он положил мой телефон лицом вниз. — Интернет в прошлом месяце забыла оплатить? Забыла. Страховку? Тоже. С продуктами мы договаривались на одну сумму, ты принесла чек на пять тысяч больше. А теперь учишь меня, где какой счет. Я сразу вспомнила каждый чек, как будто меня вызвали к доске. Про Веру он уже не говорил.

Глава 3

И тут дверь гостиной распахнулась.

Галина вошла, ведя Машу за руку. Дима шел сзади, в школьных брюках и футболке. Пока мы говорили, она успела собрать их в детской. Дочь моргала спросонья. Я посмотрела на часы: неужели так долго спорим?

— Что здесь происходит? — спросила Галина Петровна, ее голос был резким, командным.

— Мам, да Алина опять... Максим улыбнулся ей той улыбкой, которой я ждала для себя при его возвращении. — Спам прислали, а она уже Веру впутала. Я ей говорю: спроси нормально. Но нет.

Галина посмотрела на меня. Сначала на телефон, потом на лицо. Ответа сына ей хватило; осталось выяснить, насколько далеко я зайду со своими вопросами.

— Сядь, Алина. Галина сама устроилась в своем кресле, не выпуская Машину руку. — Максим целый день работает, а вечером ему еще это слушать? Чем тебе плохо? Дети одеты, дом есть. Он ради вас старается, ты ему про смс.

— Мам, это перевод на имя ассистентки, — попыталась объяснить я, чувствуя, как краснеют уши. — Сумма крупная. Под предлогом «на будущее нашей дочери». Это звучит как...

— Мальчики всегда найдут оправдание, если им есть что прятать, — перебила она, махнув рукой. — Но твоя паранойя разрушает семью быстрее, чем любая правда. Посмотри на себя. Ты истеричка. Ты нестабильна. Дети видят это. Дима уже боится заходить в комнату, когда вы кричите. А вы не кричите, Алина? Вы просто воете друг другу в лицо, превращая дом в ад.

Маша прижалась к бабушкиному колену, Дима рассматривал носки своих ботинок. На меня оба не смотрели. Я хотела спросить дочь, не проголодалась ли, только бы прозвучало хоть что-то обычное. Но Максим еще стоял между нами, и Галина ждала моего ответа ему.

— Я заберу Машу спать, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Мне нужно было уйти. Сейчас. До того, как я начну плакать.

Я повернулась к детской, и Максим положил ладонь мне на плечо. Когда попыталась идти, пальцы сжались. Он развернул меня обратно. Нельзя даже повернуться? Я посмотрела на руку, ждала, что отпустит сам. Он наклонился к уху.

— Куда ты идешь? — прошипел он мне на ухо, так, чтобы слышала только я. — Если ты сейчас уйдешь и начнешь шуметь, я докажу суду, что ты нестабильна. Я найду свидетелей. Бабушку. Няню. Детский сад. И дети останутся здесь. Со мной. С бабушкой. Которая любит их больше тебя. Которая знает, что такое настоящая жизнь, а не твоя истерика.

Маша стояла в двух шагах, а я смотрела на мужа, боясь повернуть к ней голову. Он говорил о суде мне в ухо. Дочь видела только папину ладонь на мамином плече — наверное, почти ласку. Я перестала тянуться к двери. Максим сразу ослабил пальцы. Он дождался именно этого.

Он снял руку с плеча, когда я перестала двигаться. При матери тут же улыбнулся и поправил мне ворот. Дима видел это. Я не знала, понял ли сын, почему не пошла к Маше.

— Пойдем ужинать, — сказал он громко, обращаясь уже к матери и детям. — Алина просто устала. Ей нужен отдых.

За столом я не могла разрезать стейк. Резеда приготовила его как любит Максим, но нож соскальзывал: я слишком сильно давила. На тарелке осталась царапина от металла. Дима видел и молча отодвинул свой прибор подальше. Галина Петровна кормила Машу, хотя дочь давно ела сама. Мне оставалось сидеть и следить, чтобы нож снова не скрипнул.

Максим достал телефон.

— О, Вера звонит, — сказал он, включая громкую связь. Его тон был мягким, заботливым. — Алло, Вера?

Из динамика раздался всхлип. Женский голос, дрожащий, жалобный.

— Максим Андреевич, простите... Я не могу работать... Эта ваша жена... Алина... Она постоянно пишет мне в личку, угрожает, говорит, что я ворую деньги... Я боюсь...

Максим закрыл глаза, изображая глубокое сочувствие.

— Вера, не обращай внимания, — произнес он бархатным голосом, глядя прямо на меня. — Алина просто устала. Она хорошая женщина, но иногда ей кажется, что весь мир против нас. Она срывает свою тревогу на тех, кто рядом. Ты же умная девочка, ты понимаешь, что это болезнь, а не злоба. Не воспринимай лично.

Максим поставил телефон у графина и переключил звонок на видео. Вера провела салфеткой под глазом. Потом на секунду посмотрела прямо в камеру и улыбнулась. Я увидела это прежде, чем она снова поднесла салфетку. Хотелось ткнуть пальцем в экран: смотрите! Но Галина уже кивала, сочувствуя бедной девочке, и Максим ждал моего возмущения. За столом опять стоял мой нетронутый ужин.

Я встала. Тарелка зазвенела о стол.

— Я в ванную, — пробормотала я и вышла, не дожидаясь разрешения.

В ванной я повернула защелку дважды, проверяя, держит ли. Села на край ванны, согнулась, упершись локтями в колени. Из гостиной долетали голоса, отдельные слова, звон посуды. Я не хотела, чтобы они услышали меня, и дышала через рот. Когда смогла встать, подставила лицо под холодную воду. Тушь размазалась у носа. Вот теперь можно было показывать им «истеричку».

И тут я услышала его голос. За дверью. Он говорил по телефону, думая, что я далеко, или что вода заглушит звук. Он стоял совсем рядом, в коридоре; вода его не заглушала.

— Да, схема с «будущей дочерью» сработала, — сказал Максим. Его голос был деловым, сухим, лишенным всякой отцовской теплоты. — Она начала копать, но я включил режим «жертвы». Теперь она будет бояться идти в полицию, чтобы не выглядеть сумасшедшей матерью. Никто не поверит истеричке. Жди перевода остатка на офшор через неделю. Да, Вера подтвердит получение. Она пешка, но надежная.

Я выключила кран не до конца — тонкая струйка продолжала шипеть. Так он не поймет, что я слушаю. Максим сказал «на офшор через неделю», затем что-то спросил о Вере. Я стояла мокрая перед раковиной, и вода собиралась на вороте блузки. Потом решила: эту фразу запомню дословно. Он может назвать меня кем угодно, но собственные слова назад уже не возьмет.

Я повторила про себя: остаток, неделя, Вера подтвердит. Если сейчас выйти и потребовать объяснений, он спросит, где я это слышала. Скажет, что речь шла о другом. Опять перечислит продукты и страховку, которую я забыла оплатить. Я вспомнила, как легко Галина поверила в звонок Веры. Свидетелями они друг для друга уже стали. Мне нужен был кто-то за пределами этого стола.

Завтра мне снова придется сидеть с ним за одним столом. Но вопросы о счетах я уже не буду задавать только ему.

Закрутила кран, промокнула лицо полотенцем. На белой ткани осталась тушь. Сложила пятно внутрь и положила на полку, чтобы Галина не увидела: хватит ей поводов обсуждать, что со мной происходит.

Достала телефон из кармана брюк и открыла вчерашнее подтверждение заявки. Игорь Волков. Юрист и аудитор. Дневной прием он перенес, а я не уточнила новое время. Теперь набрала указанный на сайте номер.

Номер был на экране. Еще можно отложить до утра, написать, что нужна другая дата приема. Только утром он будет слышать подготовленный рассказ. Сейчас я помнила даже интонацию Максима за дверью.

Нажала «вызвать».

Номер набрался. Я слушала гудки и считала их, чтобы не бросить трубку после третьего. За дверью снова засмеялись. Максим умел поддерживать разговор, ему и сейчас было что рассказать матери. Я накрыла телефон ладонью снизу, хотя не могла бы объяснить, зачем: будто они увидят, кому звоню, сквозь дверь.

Чтобы не слышать ужин, прижала телефон к уху сильнее. Лишь бы он ответил сейчас. Пока я еще могу произнести то, что услышала.

— Алло, — раздался низкий, хрипловатый мужской голос на том конце провода. — Слушаю.

— Игорь? — спросила я. Голос был ровным, без единой нотки сомнения. — Меня зовут Алина. Мне нужен аудит. Полный. По всем активам моего мужа за последние пять лет. И мне нужно, чтобы это выглядело как случайная находка налоговиков, а не как месть жены.

Пауза. Долгая, оценивающая.

— Вы понимаете, о чем говорите? — спросил он.

— Я понимаю, что пора начинать войну, которую он даже не заметил, — ответила я.

— Приходите завтра в десять. Выписку и фотографии возьмите с собой, — ответил Игорь.

Закончив звонок, я записала время приема в телефон. В зеркале была все та же я, только мокрые пряди прилипли к щекам и вокруг глаз остались серые разводы. Привела себя в порядок. Легче не стало. Зато утром не придется гадать, за что хвататься сначала: надо распечатать снимок и выписку.

Вышла из ванной и прошла мимо гостиной. Максим засмеялся, мать спросила, долить ли еще вина. Меня никто не остановил. Завтра в десять я буду рассказывать об этом человеке чужому юристу. Дошла до спальни, поставила будильник и только тогда убрала телефон.

Глава 4

Забрать детей. Больше я не собиралась сегодня ни о чем спорить. Стояла перед дверью Галины Петровны, пока на площадку стекала вода с зонта. За окном площадки дождь размывал огни соседнего дома. Со стороны приоткрытой форточки на площадку тянуло корицей и лавандовым кондиционером для белья. Дети были там. Свекровь забрала их «на выходные», а утром отказалась привезти домой.

Она не открывала. На второй звонок в домофоне что-то щелкнуло, и я приблизилась к двери, но замок остался неподвижным. Постояла, слушая. За полотном ходили, значит, слышали. Нажала третий раз, уже не убирая палец с кнопки.

— Галина Петровна, откройте. Я говорила в дверь. Никакой просьбы привезти детей завтра — за этим я уже звонила. Сейчас приехала сама, и уходить, не увидев их, не собиралась.

Замок повернулся. Дверь открыли настолько, чтобы можно было встать поперек проема. Я готовилась говорить со свекровью, а увидела бежевый рукав.

Вера.

Новый бежевый тренч, дорогая сумка на плече. Я не видела, кто оплатил их, но после перевода мысленно приписывала любую ее покупку нашему счету. Вера смотрела на меня сочувственно. Пожалеть приехала — она.

— Алина, здравствуйте, — Вера улыбнулась уголками губ. — Максим просил передать, что дети заняты уроками. Не стоит их беспокоить.

Я не ответила. Просто шагнула вперед, плечом оттесняя Веру. Она уступила дорогу, но осталась у двери. Но когда я поравнялась с ней, воздух загустел. Смесь бабушкиных пирожков и ее духов — тех самых, терпких, древесных, которые теперь были везде, где был мой муж, — ударила в нос. Меня замутило. Желудок свело спазмом, который я подавила, стиснув челюсти.

Квартира Галины Петровны всегда была музеем прошлого века: тяжелые гардины, кованные спинки кроватей, запах пыльных ковров. В детской комнате царил хаос. Дима сидел на диване, уткнувшись в телефон, ноги забросил на стол, заваленный учебниками. Маша пряталась за юбкой бабки, которая сидела в кресле у окна и вязала.

— Мама! — крикнула Маша, увидев меня. Но это не было радостное приветствие. Это был визг испуга.

Дима даже не поднял головы. — Ты чего тут? — бросил он, не отрывая взгляда от экрана. — Папа купил мне новую приставку. Мы играем. Уйди, ты всё испортишь своими скандалами.

Слова сына я слышала хорошо. Под ними не спрячешь ни «он устал», ни «подростки все такие». Дима даже не убрал ноги с учебников. Смотрел в телефон, а мне отвечал, как отвечают назойливому человеку в автобусе. Я сунула руки в карманы: хотелось забрать у него эту чертову приставку, хоть она и лежала не здесь. Четырнадцать лет. Я знала его голос до каждой интонации, а этой раньше не было.

Я сделала шаг к Маше. — Пойдем, солнышко. Нам нужно домой.

Дочь вскрикнула и спряталась за спиной Галины Петровны. — Не хочу! Бабушка говорит, что ты злая и тебя могут посадить в тюрьму за то, что ты украла папины деньги!

Я посмотрела на Галину Петровну. Она не поправила Машу, не сказала, что маму никто не посадит. Только медленно выдернула спицу из петли и уложила вязание на колени. Значит, могла еще и обидеться, если ей помешают закончить ряд. Дочь стояла у ее кресла и ждала, что бабушка скажет дальше.

— Дети устали, Алина, — произнесла она своим скрипучим голосом. — Они голодны, они хотят играть. Зачем тебе это унижение? Тебе же отказали в доступе к общим счетам. Что ты им дашь? Голод? Нищету?

Из гостиной послышались шаги. Медленные, уверенные. Максим.

Максим остановился в дверях. Не удивился, что я приехала. Посмотрел на Машу, затем на меня и неторопливо скрестил руки. Я вспомнила утренний звонок: «Мама, когда ты нас заберешь?» Он уже успел им что-то объяснить по-своему, пока я ехала сюда с зонтом и пакетом сменной одежды.

— Алина, — начал он мягко, почти нежно, подходя ближе. Я почувствовала его присутствие кожей, как электрический разряд перед грозой. Он остановился вплотную ко мне. Слишком близко. Так, чтобы никто из детей не слышал слов, но все видели напряженность моих мышц и его нависающую фигуру.

Он наклонился к моему уху. Его дыхание обожгло кожу. — Если ты сейчас устроишь истерику, если хоть один волос упадет с головы твоих детей из-за твоего нервного срыва... — его голос стал тише, ниже, опаснее. — Я подам заявление о том, что ты опасна для них. Я заберу их через суд. Ты потеряешь всё, Алина. Даже право дышать рядом с ними. Не проверяй меня.

Я шагнула назад раньше, чем захотела. В прошлый раз он только говорил о суде; теперь рядом сидела мать, а у двери стояла Вера. Три человека расскажут одну историю, я — другую. И дети, перепуганные этим разговором. Мне хотелось увести их прямо сейчас, взять за руки и не слушать никого. Но Маша от меня пряталась. Я не могла тащить ее через всю квартиру, пока бабушка объясняет, какая я опасная.

Но Галина Петровна не собиралась отпускать меня тихо. — Посмотрите на неё! — взвизгнула она, повышая голос; Вера распахнула входную дверь, и на площадке зашевелились соседи. — Мать-разводница хочет увести детей в никуда! У неё нет жилья, нет работы нормальной, она только и умеет, что кричать и угрожать! Бедные детки!

В распахнутой двери я увидела соседку в халате. Та шепнула что-то мужчине за своим плечом. Я знала их в лицо, здоровалась в лифте. Сейчас они смотрели на меня так, словно уже услышали все необходимое, хотя ни одного моего слова им не досталось.

Я достала телефон. Руки дрожали, но я заставила себя нажать красную точку записи. Камера включилась. Экран показал лицо Галины Петровны, искаженное ненавистью, и толпу любопытных соседей.

— Запомните этот момент, — произнесла я в микрофон, глядя прямо в объектив, а затем перевела взгляд на свекровь. Голос дрогнул, но слова были четкими. — Когда судья спросит, кто манипулировал детьми и создавал образ нестабильной матери, у меня будут доказательства вашего хулиганства.

Галина увидела направленный на нее телефон и осеклась. Соседка в халате еще стояла у двери. Я держала запись включенной, хотя очень хотелось сказать свекрови, что вот теперь пусть продолжает.

Но Максим не собирался позволить мне уйти с этим козырем. — Выключи это немедленно! — рявкнул он, делая резкий выпад вперед.

Максим ухватил меня за запястье и потянул телефон на себя. Я прижала его к груди другой рукой. Не сразу поняла, что он выкручивает мне кисть; просто стало невозможно удерживать экран в ту сторону. Запись теперь показывала пиджак и часть моего рукава. Маша закричала. Дима поднял голову. Вот при нем Максим и пытался забрать то, что не принадлежало ему.

Максим рванул сильнее. Мои ногти заскребли по его пиджаку. Я не отпускала. Я знала: если он возьмет телефон, он удалит видео. Если я отдам его добровольно, он скажет, что я сама предложила прекратить запись.

Собрав все силы, я резко одернула руку, высвобождаясь из захвата. Максим потерял равновесие и сделал шаг назад.

— Прощайте, — сказала я.

Я развернулась и вышла в коридор. Дверь хлопнула так сильно, что в квартире звякнуло стекло в серванте. Эхо удара прокатилось по всему подъезду.

В лифте я прислонилась к стенке и перестала вытирать лицо. Здесь никто не будет объяснять, что плачу неправильно. Вода капала с рукава на телефон; я протерла экран сухим краем платка и посмотрела, сколько длилась запись.

Телефон в руке вибрировал. Одно сообщение. От неизвестного номера.

«Получил ваше видео. Вы правильно сделали, что не ударили его. Сохраните оригинал. Завтра в 10 жду вас: нашел первую ниточку в бухгалтерии Веры».

Игорь. По дороге к лифту я успела отправить ему запись. Утром после нашей первой консультации еще сомневалась, стоит ли платить за продолжение. Теперь сомнений не было.

Я перечитала: «Сохраните оригинал». Значит, эта запись нужна. Значит, я не зря удержала телефон. Игорь был прав. Я не должна была ударить его. Это дало бы ему повод сказать, что я агрессивна. Моя сила была в другом. В том, что я ушла, сохранив доказательство.

Я снова открыла видео. На мгновение в кадр попала Вера у двери. Она задела мою сумку, когда я проходила внутрь, — я только сейчас вспомнила. В лифте проверила молнию и карман с ключами. Все было на месте. Не хотелось еще и выдумать пропажу, чтобы завтра Максим получил новую историю о моих подозрениях.

На видео видно, как он отнимает телефон, слышны крики Маши. Я проверила звук в наушнике. Он не сможет представить этот вечер как разговор, в котором пытался успокоить жену. Дети остались у него — это я тоже помнила. Но саму запись уже отправила.

На первом этаже лифт открылся перед мокрым ковриком. Я чуть не запнулась о его загнутый край. Через стеклянную дверь было видно дождь. Вытерла экран о рукав и вышла.

На улице пришлось раскрыть зонт заново; спицы заело, и я дернула слишком сильно. Зонт раскрылся с таким хлопком, что обернулся прохожий. Мне уже было плевать. Дождь попадал на телефон, а я все не убирала его, проверяя отправленное Игорю видео. Пусть хотя бы у него останется, если Максим найдет способ стереть мой экземпляр.

Максим остался с детьми за закрытой дверью. Я не могла забрать их сегодня. Могла только сохранить то, что произошло, и завтра показать человеку, которого наняла для этого.

Я направила зонт в сторону ближайшего метро. Завтра в десять. Игорь. Документы. Деньги. Расплата.

По дороге домой телефон снова завибрировал. Я проверила: запись сохранилась. Лишь после этого смогла разжать пальцы на ручке зонта.

Глава 5

Сергей предложил встретиться в парке. Я пришла с выписками, купила кофе, чтобы было чем занять руки до его прихода. Он остановился возле моей скамейки и не сел. Куртка пахла табаком; пришлось отодвинуть стаканчик, раскладывая бумаги. Мне все еще хотелось попросить именно фотографии, не финансовое расследование.

— Мне нужны фото, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Интимные встречи. Поцелуи в щеку, объятия за талию. Что угодно, что докажет связь.

Сергей фыркнул, даже не взглянув на меня.

— Девочка моя, эмоции стоят дорого. А результат — ноль. Если ты хочешь «любовную интрижку», иди к гадалке. Для суда мне нужны конкретика: даты, адреса, чеки. Иначе это будет стоить тебе триста тысяч и ни одной строчки в протоколе.

Я молча достала из сумки пачку купюр. Плотная, тяжелая. Рядом выложила распечатку банковских выписок, которые успела скачать до того, как Максим заблокировал мой доступ к общему счету. Там были даты переводов Вере. Совпадения с его «командировками» и «задержками на работе».

— Здесь всё есть, — прошептала я. — Ты просто будешь там, где они будут.

Сергей подвинул выписки к себе, пролистал до второй страницы. Денег он пока не коснулся. Спросил, какие из дат совпадают с поездками, и я показала отмеченные карандашом. Только после этого взял оплату. Я ожидала, что придется долго убеждать его, а он уже складывал бумаги в папку. Работу, оказывается, можно обсуждать без разговора о моей психике.

— Жди. Но если там будет только дружба, не плачь.

Я вышла из парка через главный вход, чувствуя облегчение. Первый шаг сделан. Оружие найдено. Я уже хотела позвонить Игорю и рассказать о договоренности, когда увидела знакомую машину.

У выхода стояла машина Максима. Он опирался на капот, не глядя по сторонам, и я поняла: он ждал меня, а не случайно остановился. Хотелось вернуться в парк, но Сергей уже ушел в другую сторону. Максим заметил, что я замедлила шаг, и выпрямился. Еще немного — и спросит, от кого я прячусь.

— Алина? — протянул он, делая шаг навстречу. Голос был громким, нарочито веселым, привлекающим внимание прохожих. — Опять гуляешь одна? Или следишь за мной? Как обычно, нестабильна? Тебе пора к психологу, детка. У тебя паранойя.

Я спрятала выписки глубже в сумку. Они зашуршали, и Максим посмотрел вниз. Вдруг показалось, что он знает не только о Сергее, но и о каждой карандашной отметке. Хотелось ответить громко. Вместо этого достала телефон, вспомнив Игоря: сначала фиксируйте то, что происходит, потом спорьте.

Включила запись. На экране появилась красная точка.

— Я просто гуляю, Макс, — сказала я тихо, почти ласково. — Ты сам начал разговор. Продолжай. Кричи. Люди любят спектакли.

Максим увидел экран и запнулся на полуслове. Передо мной оказался обычный злой человек, которого снимают в неудобный момент. Он свел зубы, посмотрел на прохожих и снова на телефон. Я держала его обеими руками. На этот раз ему придется отнимать аппарат прямо у входа в парк.

— Выключи это дерьмо, — процедил он сквозь зубы, наклоняясь ближе, так что я почувствовала запах его дешевого одеколона и злости.

— Уже, — солгала я, убирая телефон в карман. Хотя запись шла.

Максим сел в машину и хлопнул дверью. Я дождалась, пока отъедет, прежде чем выключить запись. Только тут заметила, что все еще стою посреди прохода. Отошла к ограде, пере-

слушала последние слова. Он требовал выключить — значит, отлично понимал, что записывается.

Пока я ехала домой, свекровь написала: «Детей привезла. Надеюсь, успокоилась». Я перечитала сообщение, проверяя, правильно ли поняла. Они дома.

Квартира была полна чужого присутствия. Свекровь, Галина Петровна, сидела в гостиной, попивая чай из фарфора, который я покупала для себя. Дети играли в комнате, но дверь была закрыта. Галина Петровна увидела меня и не поднялась.

— Где ты была? — спросила она сухо.

— Гуляла.

— Максим звонил. Говорил, ты ведешь себя непристойно. Шпионишь. Пугаешь детей своим состоянием.

Она отложила чашку. Звон фарфора о блюде прозвучал как приговор.

— Если развод продолжится, — произнесла она медленно, глядя мне прямо в душу, — я буду настаивать, чтобы дети жили со мной. Летом точно. Ты не способна обеспечить им стабильность. Ты больна. Твоя одержимость деньгами и подозрениями разрушает семью.

Отвечать Галине хотелось громче, чем Максиму. Но за дверью дети, и она уже рассказывала им о моей болезни. Я посмотрела на ее чашку — мою, купленную для утреннего кофе. Сейчас бы отнять, как будто от этого она встанет и уйдет.

В комнату вошел Дима. Ему четырнадцать, и он уже научился смотреть на мать так, будто та была предателем. Он остановился между нами, сжимая кулаки.

— Папа говорит, ты плохая, — выпалил сын.

Галина Петровна удовлетворенно хмыкнула.

Села на подлокотник дивана и протянула Диме руку. Не взял. Я не стала тянуть его к себе. Он достаточно большой, чтобы слышать мои слова, не поворачивая головы.

— Ты можешь злиться на меня, Дима, — сказала я. — Но я все равно твоя мама. Это взрослый спор, тебе не нужно выбирать между нами. Когда захочешь поговорить без бабушки, приходи.

Дима отшатнулся. В его глазах мелькнуло замешательство. Галина Петровна побледнела.

— Ты пугаешь ребенка! — вскрикнула она.

— Я говорю с сыном, — ответила я, вставая. — А ты можешь звонить Максиму. Пусть приезжает и защищает свои секреты.

Я прошла мимо них, в спальню, и закрыла дверь. Замок щелкнул. Тишина. Через закрытую дверь доносилось бормотание свекрови. Дима не отвечал. Я сидела на краю кровати и ждала его шагов: если придет, спорить больше не буду.

Через два дня пришло письмо от Сергея. Тема пустая. Вложение: архив.

Я открыла его в кабинете, включив свет, хотя солнце стояло в зените. Фотографии.

Первое: Максим и Вера выходят из отеля «Метрополь». Они идут рядом, плечо к плечу. Никаких объятий. Никаких поцелуев. Она держит папку с документами, он разговаривает по телефону. Это выглядит как деловая встреча двух партнеров.

Второе: они сидят в ресторане. Столы разделены перегородкой. Они не смотрят друг другу в глаза. Едят. Скучают.

Третье: Вера садится в такси Максима. Одна. Без него.

На первой фотографии они выходили из отеля, на второй сидели в ресторане. Я увеличила руки, расстояние между ними, его лицо. Еще раз открыла следующий кадр. Хоть бы пальцы на талии, хоть бы поцелуй — какая-то причина для того, что со мной происходит. Но папка Веры оставалась папкой. Эти снимки не объясняли перевод и не возвращали деньги. Зря я ждала от чужой камеры ответа сразу на все вопросы.

Закрела архив, затем открыла снова: вдруг пропустила снимок? Сергей прислал именно то, что снял. Другая женщина рядом с моим мужем оказалась деловой, занятой, скучающей за

едой. А я так рассчитывала поймать ее счастливой. За злость на себя хотелось наказать уже и детектива, но он своих обещаний не нарушал.

Звонок. Игорь.

— Ну что, нашла губы? — спросил он с усмешкой.

— Нет, — ответила я. — Нашла совещание. Фото бесполезны.

Игорь рассмеялся в трубку.

— Алина, перестань искать любовника. Ищи бухгалтера. Если хочешь давить, ищи документы, а не чувства. Чувства не имеют юридической силы. Деньги имеют. Отправь мне файлы. Может, там есть номер лицензии или дата регистрации фирмы.

Архив ушел Игорю. Я проверила значок доставки, а потом еще долго смотрела на пустую строку ответа. За эти фотографии отдала вполне настоящие деньги. Надо хотя бы понять, где они были и что за папку носила Вера. Если стану выбрасывать все, что не совпало с моей догадкой, аудита не будет — будет только дорогая ссора.

Глава 6

Я посмотрела на адрес офиса в письме Сергея. Можно убедиться хотя бы в том, что фирма там действительно находится. Жена директора на ресепшене вызовет вопросы. Курьер с цветами — меньше.

Заказала белые пионы, на карточке написала: «Вере. С уважением, партнер». Фамилию партнера добавлять не стала. Когда забирала букет, меня спросили про ленту. Ответила, что без ленты, и тут же поняла, насколько нелепо выгляжу: выбираю оформление для чужой женщины.

Надела водолазку, джинсы, кроссовки. Волосы спрятала под шапку, капюшон опустила на лоб. Охранник посмотрел на букет прежде, чем на меня. Я опустила голову, стараясь не ускорять шаг там, где меня могли узнать.

— Доставка, — пробормотала я, опустив голову.

Секретарша, женщина лет сорока с идеальным маникюром, посмотрела на меня сверху вниз.

— Господин Ковалев занят с клиентом. Оставьте на стойке.

— Инструкция просила передать лично Вере, — сказала я, меняя голос, делая его ниже, хриплее. — Срочно.

Она задержала руку над стойкой, не взяв букет. Смотрела на меня, ждала пояснений: почему срочно, почему лично? Я потянула край капюшона вперед, делая вид, что мешает свет.

— Вера Андреевна сейчас на совещании...

— Она должна подписать бумаги. Клиент ждет ответа, — я нажала на слово «клиент». Это магическое слово для таких офисов.

Секретарша забрала пионы, подошла к кабинету. Я следила за табличкой у двери, пока она входила: если прикроет створку, название уже не прочесть. Через несколько секунд она вернулась, без букета. Я убрала накладную.

— Передала. Можете идти.

У лифта сделала вид, что проверяю следующую доставку, и записала название «Альфа-Консалтинг». Табличку я успела прочесть, когда секретарша повернулась. Сергей просил проверить адрес и фирму — сведения совпали. Теперь можно не рассказывать Игорю, что Вера просто «везде рядом», а назвать, где она сидит и под каким названием работает.

Вечером пришел второй пакет от Сергея. Аудиозапись. Плохое качество, шум улицы, скрип кожи сидений.

Я включила наушники. Голос Максима. Низкий, бархатный, но жесткий.

«...деньги уйдут через эту фирму. Налоги спишем на убытки. Она ничего не поймет. Алина слишком занята своими эмоциями, чтобы читать отчеты».

Пауза. Шуршание бумаг.

«Вера, ты должна подписать вот это. Договор на консультационные услуги. Фиктивные. Но сумма реальная. После перевода ты заберешь свою долю наличными. Обещаю, никто не тронет».

Женский голос. Вера. Тихий, осторожный.

«А если налоговая?»

«Налоговая спит. Пока мы играем по правилам. Просто подпиши. Ради нашей будущей жизни».

«Ради моей», — поправила Вера.

«Ради нас обоих. Ты же знаешь, я люблю тебя».

Когда Максим на записи сказал «люблю тебя», я вынула один наушник, будто так будет слышно по-другому. Нет. Сказал почти тем же тоном, которым обещал мне взять кредит на выгодных условиях. От этого не становилось легче: любовь он ей обещал, а мне объяснял, что

я больна. Я включила фрагмент заново. Вера перед признанием спрашивала о налоговой. Ее испуг меня заинтересовал больше, чем его голос.

Это не измена сердца. Это преступление ума.

Надела куртку, проверила ключи. До Игоря пятнадцать минут пешком, запись на телефоне. По дороге прослушала конец еще раз, остановилась возле витрины, чтобы записать название фирмы. На этот раз хотелось приехать не только с жалобой.

Игорь задержался в офисе. Свет горел над столом, остальные лампы он выключил. Я достала телефон, положила распечатки рядом с его папками. Он просматривал назначения переводов, пока я рассказывала, как попала к Вере с букетом.

— Слушайте аудио еще раз, — сказал он, когда я закончила. — Обратите внимание на деталь.

Я включила запись на телефоне.

«...Вера, ты должна подписать вот это... название фирмы "Альфа-Консалтинг" зарегистрировано на мать Веры».

Игорь постучал пальцем по столу.

— Фирма матери Веры, — Игорь остановил запись. — Название услышала? Регистрацию проверим. Потом договор. Я кивнула. — Его «люблю» ты уже слышала. Теперь послушаем, за что он просит подпись. Это можно проверять документами.

Я сидела напротив Игоря с телефоном в руке. Раньше думала: главное — выяснить, любит ли он Веру. Теперь на столе лежали суммы, даты и название фирмы ее матери. Максим умел говорить о любви так, что она сама становилась объяснением для любого перевода. Мне нужно было добраться до того, что он подписывал, когда переставал разговаривать.

— Мы не знаем, спала ли она с ним, — произнесла я. — Но дверь к моим деньгам держала точно.

Игорь улыбнулся, убрал одну выписку поверх остальных. Я сначала решила, что смеется над букетом, но он ткнул пальцем в название фирмы. Ему было что проверять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.